

УДК 327.8

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-2/2-173-185

ОКУНЕВ Игорь Юрьевич

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
г. Москва, Россия
okunev_igor@yahoo.com

Igor Yu. OKUNEV

Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation,
Moscow, Russia
okunev_igor@yahoo.com

ОСКОЛКОВ Петр Викторович

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
г. Москва, Россия

Petr V. OSKOLKOV

Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation,
Moscow, Russia

ТИСЛЕНКО Мария Игоревна

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
г. Москва, Россия

Maria I. TISLENKO

Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation,
Moscow, Russia

**ФАКТОР ЛИМИТРОФНОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО
ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В ТРАНСФОРМАЦИИ
ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА
ПРИМЕРЕ ГАГАУЗИИ И АДЖАРИИ)**

**FACTOR OF LIMITROPHE GEOPOLITICAL
POSITIONING IN TRANSFORMATION OF
SPATIAL IDENTITY (EVIDENCE FROM
GAGAUZIA AND ADJARA)**

Задачей исследования было выявление геополитических кодов и пространственных идентичностей отдельных регионов постсоветских государств с учетом предполагаемой множественности пространственной идентичности в многонациональном государстве. Исследовательский вопрос заключался в том, возможно ли найти феномен конструирования идентичности путем противопоставления себя национальному большинству в различных государствах постсоветского пространства. Были избраны кейсы Аджарии и Гагаузии, так как в них наблюдаются схожие стратегии квазигосударственного строительства и лимитрофная смешанная цивилизационная идентичность. В обоих случаях актуализация лимитрофного геополитического позиционирования при отсутствии стратегии сецессии приводила к формированию квазигосударственных образований, артикулирующих нарратив о независимости и инициирующих продуцирование символических элементов государственности. В результате исследования были выделены конструирующие элементы гагаузской и аджарской идентичности и проведен сравнительный анализ соответствующих геополитических кодов. В составе гагаузской идентичности были выделены собственно гагаузский, русский и турецкий компоненты, в то время как аджарская пространственная идентичность состоит из грузинского (абсолютно доминирующего), аджарского, русского, европейского и турецкого компонентов. Абсолютно несхожие географические коды определяются различными пространственными идентичностями, характером центр-периферических отношений в государстве, а также фактором близости к морю и социально конструируемым характером пространственной идентичности как таковой.

The aim of the research was to detect geopolitical codes and spatial identities of particular regions in post-Soviet states, bearing in mind that spatial identity is pluralistic in a multinational state. The research question was, whether we may find the identity constructed by counter-positioning of an entity to the national majority in different post-Soviet states. The cases of Adjara and Gagauzia were chosen because there a similar strategy of quasi-state construction and a limitrophe mixed civilizational identity are found. In both cases, the actualization of a limitrophe geopolitical self-positioning in absence of a secession strategy led to the construction of quasi-state entities articulating independence narrative and producing symbolic statehood elements. As a result of the research, the constructing elements of Gagauz and Adjarian identities were detected and a comparative analysis of the respective geopolitical codes was conducted. The Gagauz identity, according to our results, comprises actually Gagauz, Russian and Turkic components, while the Adjarian spatial identity comprises Georgian (absolutely dominating), Adjarian, Russian, European and Turkish components. The absolutely different geographic codes are explained by different spatial identities, the character of center-periphery relations in a state, the factor of the proximity to a sea, and a socially constructed nature of spatial identity.

Ключевые слова: геополитический код, пространственная идентичность, постсоветское пространство, лимитроф, квазигосударственное строительство, Гагаузия, Аджария, Грузия, Молдавия, центр-периферические отношения

Keywords: geopolitical code, spatial identity, post-Soviet space, limitrophe, quasi-state construction, Gagauzia, Adjara, Georgia, Moldova, center-periphery relations

Благодарность: Исследование проведено при поддержке IV Гранта молодым ученым МГИМО МИД России.

Acknowledgement: The research was conducted thanks to the support of the 4th young scientists grant of MGIMO University.

Процесс формирования национального самосознания и пространственной идентичности на постсоветском пространстве протекал в разных государствах по-разному [1, с. 16-18], и в центре данного исследования находятся пространственные идентичности не целых экс-советских республик, а отдельных их регионов, а именно Гагаузии (Молдавия) и Абхазии (Грузия). Исследовательский интерес к данным территориям обусловлен одной из методологических предпосылок, которой руководствуются ученые - члены клуба «Terra Cognita» НСО МГИМО и которая была выработана в ходе предыдущих исследований [2, с. 156-171]. Она заключается в следующем: пространственная идентичность является социальным конструктом и может обладать геополитическим компонентом, определяющим положение территории в текущей региональной/международной системе отношений. Выявить геополитический компонент пространственной идентичности можно с помощью анализа геополитического кода (концепция, разработанная Колином Флинтом [3, с. 56]), однако в отдельно взятом многонациональном государстве как пространственных идентичностей, так и свойственных им геополитических кодов может быть несколько. Данное положение, прежде чем стать одним из базовых методологических установок в деятельности клуба, было апробировано и подтверждено исследованием пространственных идентичностей на территории Молдавии и Приднестровья, где действительно были найдены рассматриваемые социальные конструкты в Гагаузии, Тараклии, Приднестровье и Кишиневе, однако отдельный интерес представляют гагаузская и болгарская (тараклийская) идентичности, частично противопоставляющие себя молдавской и обладающие собственными геополитическими кодами, в которых России отведено место союзника и партнера.

У исследователей возник следующий исследовательский вопрос: можно ли найти подобный феномен конструирования идентичности путем противопоставления себя национальному большинству в других государствах постсоветского пространства? Чтобы ответить на данный вопрос, мы провели исследование в феврале-марте 2017 г., объектом которого стала Автономная Республика Абхазия в составе Грузии. Данный кейс был выбран ввиду наличия между ней и Гагаузией следующих сходств касемо национального развития и политической истории:

- гагаузы и абхазы на протяжении всего своего существования не были независимыми и находились под властью различных государств: для Гагаузии это были Османская и Российская империи, СССР и Молдавия, а для Абхазии - Иберийское и Грузинское царства, Османская и Российская империи, СССР и Грузия;
- в 1990-е - начале 2000-х годов на этих территориях были сильны сепаратистские тенденции, едва не приведшие к вооруженным конфликтам, в частности поход на Гагаузию 1994 г. и Абхазский кризис 2004 г.;
- оба региона смогли добиться статуса автономии на современном этапе;

- и Молдавия, и Грузия испытывали трудности в конструировании национальной идентичности и консолидации общества, а также не смогли удержать в своем составе территории (Приднестровье откололось от Молдавии, Абхазия и Южная Осетия - от Грузии);

- гагаузы и аджарцы и по сей день испытывают влияние со стороны Турции, с которой гагаузов связывает язык и экономическое сотрудничество, а аджарцев - религия (частично), экономические связи и общая граница.

Как мы видим, в обоих случаях актуализация лимитрофного (погранично-цивилизационного) геополитического позиционирования при отсутствии стратегии выхода (сецессии) (по Ст. Роккану) приводила к формированию квазигосударственных образований, лишенных большинства элементов внутренней и внешней суверенности, но артикулирующих нарратив о независимости и инициирующих продуцирование символических элементов государственности. В исследуемых регионах, населенных преимущественно соответственно православными тюрками и грузинами-мусульманами и являющихся типичными примерами лимитрофной смешанной цивилизационной идентичности, несмотря на значительные внутренние различия и внешние обстоятельства, демонстрируются схожие стратегии квазигосударственного строительства.

Методология проекта подразумевала включенное наблюдение, сбор письменных, устных и аудиовизуальных материалов и образцов государственной и национальной символики, а также проведение глубинных интервью с научной интеллигенцией и работниками сферы туризма. Такие интервью, согласно общепринятой социологической типологии, являются неформальными и неструктурированными, и выбор исследователей обусловлен тем, что в менее формальной обстановке, по мнению американского психолога С. Квале, интервьюируемые чувствуют себя свободнее и дают более честные и репрезентативные ответы. Тем не менее сроки экспедиции в Аджарию ограничились возможностями группы молодых ученых, которой удалось собрать семь глубинных интервью длительностью от 20 до 54 минут; следовательно, могут потребоваться дальнейшие исследования для подтверждения обоснованности выводов, изложенных в данной работе. Кроме того, в ходе подготовки к экспедиции с помощью контент-анализа был собран и проанализирован корпус научных, общественно-политических и официальных текстов, позиционирующих Аджарию в качестве независимой политики.

Пространственные идентичности гагаузов и аджарцев

Анализируя пространственные идентичности изучаемых народов, можно выделить их компоненты и основные характеристики. В гагаузскую идентичность входят следующие элементы, чья значимость не одинакова [4, с. 72-75]:

- 1) автохтонный гагаузский, выраженный в использовании гагаузского языка в быту, трепетное отношение к статусу автономии и ее истории (почитание движения «Гагауз Халкы»);

- 2) русский, оформленный в русском языке как язык делопроизводства, памяти о Великой Отечественной войне и уважении к СССР, который дал импульс для развития гагаузского языка и культуры;

3) тюркский, связанный с гипотезами об этногенезе гагаузов и близостью гагаузского и турецкого языков, а также подкрепленный расширением экономических и культурных связей с Турцией в 1990-2000-е годы.

Следовательно, гагаузская пространственная идентичность обладает сложной структурой. Данная черта присуща также и аджарской идентичности, на рассмотрении компонентов которой следует остановиться подробно.

Грузинский компонент

Наиболее важным элементом пространственной идентичности Аджарии следует назвать грузинский. Он складывается, среди прочего, из языка: грузинский язык используется не только для делопроизводства, но и в быту: им владеют как старшее поколение, так и молодежь. Кроме того, среди аджарцев наличествует идентификация себя как грузин: все опрошенные респонденты на вопрос «С какой национальностью вы себя отождествляете?» заявляли, что они ощущают себя грузинами. Так обосновал это респондент С.: «В Грузии много народов: кахетинцы, имеретинцы, гурийцы, абхазы, аджарцы, но различия между ними невелики, мы все - грузины». Из этого следует, что пестрая многонациональная мозаика складывается в единую картину под названием Грузия, а отличительные особенности, несмотря на их количество, нивелируются; и здесь следует отметить заслуги советского руководства в XX веке и грузинского руководства в 2000-е годы, сумевших предложить/навязать большинству этносов на данной территории жизнеспособную национальную идентичность в ходе процесса «огрузинивания» (хотя и не без исключений в виде Абхазии и Южной Осетии) [5, с. 48-69].

Более того, связующим звеном между аджарцами и грузинами стала православная религия. В Аджарии ввиду османского владычества и политики исламизации даже вплоть до недавнего времени проживало около 70% мусульман, однако в последние 20 лет обозначилась тенденция перехода в христианство, в частности происходили массовые крещения (более 100 человек приняли православие 19 февраля 2017 г.), молодежь выбирает православие, а мусульман можно найти только среди пожилых людей в аджарских деревнях. Данный тренд подкрепляется статистикой за 2002 г.: 55% населения отождествляет себя с христианством, а с исламом - 39,8% [6]. При этом музейные работники, носители стандартизированного дискурса, подчеркивали, что во времена турецкого правления в Грузии (именно в целой Грузии, а не отдельной Аджарии) люди старались сохранить верность православию, несмотря на наказания вплоть до смертной казни за отказ принимать ислам. Таким образом, грузинский компонент складывается из отождествления себя с грузинами, отсутствия каких-либо значительных отличительных черт аджарцев и православной религии.

Аджарский компонент

Исследователями был выделен автохтонный аджарский элемент в пространственной идентичности, который, по сравнению с грузинским, размыт и трудно идентифицируем в Батуми.

Характерной чертой аджарской автохтонности является приграничное и прибрежное положение, играющее особую роль в сознании местного населения. В

музеях и на улицах города можно найти артефакты, хранящие историческую память о стратегическом значении Батуми как порта. Во-первых, это Колхидский нарратив, присутствующий как в музейном дискурсе, так и на бытовом уровне у простых людей. Он представлен мифом об аргонавтах, золотом руне и Медее, статуя которой была установлена в 2007 г. на площади Европы; помимо этого, один из культурно-развлекательных центров Батуми носит название «Арго». Кроме того, Батуми как часть Аджарии всегда стоял особняком в Грузии, так как с 1878 г. Батуми был присвоен статус «свободного порта» (*porto franco*), то есть порта с правом ввоза и вывоза и товаров из-за границы без пошлин. Батуми обладал выгодным геоэкономическим положением, на него приходилось 2/3 экспорта стран Закавказья, он являлся важным звеном Евразийского транспортного коридора в торговле нефтью. Доказательством важности приграничного положения является, среди прочего, наличие ресторана и отеля под названием «Порто Франко».

Во-вторых, серьезный отпечаток в пространственной идентичности аджарцев оставило правление Аслана Абашидзе в Аджарии в 1991-2004 гг., который де-факто создал «государство в государстве» [7, с. 245]: между регионом и остальной Грузией были установлены блокпосты, Аджария не перечисляла налоги в грузинский бюджет и имела собственные вооруженные силы. Хотя после того, как А. Абашидзе оставил власть в 2004 г., грузинскими властями во главе с М. Саакашвили было предпринято многое для преодоления тенденций аджарского сепаратизма [7, с. 245]; в народе, согласно ответам интервьюированных, сохраняется память об А. Абашидзе как о фигуре противоречивой, но важной, которая не позволила ввергнуть Аджарию в хаос гражданской войны, разразившейся в Грузии, остановила турецкую экспансию и не дала превратить регион в один из пунктов наркотрафика и незаконной торговли оружием. По итогам интервью у исследователей сложилось впечатление о неких «упущенных возможностях» из-за ухода Абашидзе, однако речь идет не о «тоске по твердой руке», а об исключительности и обособленности аджарцев (особенно экономической), утраченной после 2004 г. и замененной новой формой «фасадной» исключительности. Такая исключительность ориентирована главным образом на туристов и основывается на образе Батуми как курортного города и «жемчужины» Черного моря [8].

Русский компонент

В Аджарии как части постсоветского пространства нам удалось найти также и русский компонент, который, однако, обладает собственной спецификой и сильно отличается от обнаруженного в Гагаузии. Во-первых, его носителем является в основном взрослое население, еще заставшее времена СССР и помнящее о турбулентности 1990-х годов. Это проявляется в уровне владения русским языком: те представители молодого поколения (до 25 лет), с которыми сталкивались исследователи, не очень хорошо понимали по-русски и еще хуже говорили на этом языке, в отличие от людей возрастной категории 35+. Во-вторых, у проинтервьюированных взрослых аджарцев сохраняются теплые воспоминания о Советском Союзе как о большой семье народов, где не было конфликтов, а существовала социальная сплоченность и справедливость. Причем респондент Е., сравнивая успехи в развитии Батуми при М. Саакашвили, отметил, что при советской власти Ба-

туми «...был сопоставимо красив, а турок было меньше». Во-третьих, на бытовом уровне компонент выражается в просмотре русских телепередач в отеле и магазинах, а также в русской эстрадной музыке в заведениях общепита. Тем не менее необходимо уточнить, что русский элемент аджарской идентичности является, по сути, исчезающим из-за политики грузинизации: об этом говорит не только уменьшающееся число носителей русского языка как второго иностранного и рост владеющих английским, но и даже тот факт, что в книжных магазинах на ул. З. Горгиладзе было мало книг на русском и все они находились в разделе «Foreign Literature» (англ. «Иностранная литература»).

Европейский компонент

Аджарская идентичность, в отличие от гагаузской, обладает также и европейским элементом, конструирующим пространственные отношения. Курс на его внедрение и на проевропейскую ориентацию Грузии особенно активно осуществлялся в период реформ М. Саакашвили, однако исторические предпосылки были и до этого: Ной Жордания, глава правительства Грузинской демократической республики (первого социал-демократического правительства в Европе), писал, что Грузия всегда была исторической частью Европы, а историк Ш.И. Нуцубидзе утверждал, что Ренессанс начался в Грузии раньше, чем в Италии [9, с. 23].

В Аджарии подобная переориентация приобрела следующие формы: во-первых, европейская идентичность аджарцев подчеркивается многочисленными свидетельствами общих культурных корней с Европой через связи с Древней Грецией и Римом. Культивируется история аргонавтов, а также нарратив о широкой торговле и связях колхидцев с греками: практически весь фонд Батумского археологического музея, состоящий из образцов торевтики, ювелирного мастерства, посуды, монет и керамики, посвящен теснейшим историческим контактам Аджарии и Эллады. Кроме того, на площади Европы в Батуми в 2007 г. был поставлен памятник Медее, держащей в руках золотое руно, а сама площадь была названа так в честь вступления Аджарии в Ассамблею европейских регионов. Путеводители подчеркивают, что статуя Медеи «напоминает о древних тесных связях Грузии с европейским миром и о близости грузинской культуры к европейской цивилизации».

Во-вторых, связь с европейскими архетипами можно усмотреть также в архитектурной стилизации и топонимике, а именно в определенной привязанности к итальянским модусам, в частности наименованию площади Пьяцца в центре старого Батуми и многочисленным итальянским названиям магазинов.

В-третьих, важным символом и институциональным воплощением современной Европы является Европейский союз, с которым Грузия подписала соглашение об ассоциации. Институциональное «возвращение в Европу» после обретения независимости началось в Грузии с обращения ВС Грузии к главам государств и правительств стран СБСЕ в 1990 г. Следующим шагом стало вступление в Совет Европы в 1999 г., причем председатель грузинского парламента в соответствующей речи сказал: «Я грузин, следовательно, и европеец» - тем самым увязав институциональную принадлежность с цивилизационной, существовавшей и до вхождения в те или иные институты.

Характерно, что на грузинско-турецкой границе, в аджарском селе Сарпи, с турецкой стороны висит только один флаг - турецкий, а с грузинской - два, Грузии и ЕС. При этом Турция значительно больше Грузии приблизилась к членству в ЕС, будучи официально зарегистрированной в качестве кандидата в члены. Флаги Европейского союза развеваются у большинства административных зданий, в особенности это касается полицейских участков и судебных учреждений. Флаг ЕС можно увидеть на здании Конституционного суда Аджарии, а также у здания аджарского правительства. При этом необходимо отметить, что движение Грузия - ЕС не одностороннее. Так, после парафирования в 2013 г. в Вильнюсе Соглашения об ассоциации, в марте 2017 г. было одобрено Еврокомиссией и Советом ЕС введение безвизового режима между Грузией и странами Шенгенской зоны.

Таким образом, европейское измерение грузинской и аджарской идентичности опирается на 1) общность культурных корней с Европой, общность древнегреческого и древнеримского культурного наследия; 2) использование топонимов европейского характера в названии улиц и магазинов; 3) институциональную интеграцию с европейскими межгосударственными объединениями, в первую очередь с Европейским союзом.

Турецкий компонент

Турецкий элемент можно считать наиболее неоднозначным в пространственной идентичности аджарцев: с одной стороны, он не может не присутствовать ввиду религиозного состава, ведь 40% населения исповедуют ислам, товарооборот с турками осуществляется именно через Аджарию, а Турция была и остается одним из основных экономических партнеров Грузии и крупным инвестором в ее экономику. С другой стороны, у всех опрошенных респондентов, когда они говорили об отношениях Аджарии и Турции, обнаруживались настороженность и даже страх по отношению к соседней стране. Основные претензии заключались в следующем:

- приезжающие в Аджарию турки видят в ней «дачу», где они могут распивать алкогольные напитки и играть в азартные игры; прозвучали даже обвинения в «превращении города в бордель и разрушении его запахом турецких кебабов»;
- турецкие предприниматели, выходящие на аджарский рынок, обладают низким уровнем бизнес-этики: они «надувают» своих грузинских партнеров, не несут ответственность за проекты (особенно в сфере недвижимости, из-за чего в Батуми много запущенного долгостроя);
- по мнению респондентов, в Аджарии нарастает турецкая «ползучая экспансия»: после ухода Абашидзе М. Саакашвили охотно раздавал гражданство гражданам Турции грузинского происхождения (респонденты заявляли едва ли не о десятке тысяч случаев, в то время как их число не превышало двух тысяч [10]), а сейчас на улицах Батуми турецкая речь стала обычным явлением.

Феномен «турецких инвестиций» и дискредитация партнерства с турецкой стороной стали одним из показателей политических настроений в Аджарии. Напряженность в Батуми из-за грузино-турецкого партнерства начала проявляться с 2011 г., когда правительство объявило о своих планах отстроить заново исто-

рическую мечеть города возле могилы грузин, отдавших свою жизнь в борьбе с краткой турецкой оккупацией Батуми в 1921 г. [11], и постепенно достигает все более высоких отметок. Например, в 2013 г. на реке Чолоки, отделяющей Аджарию от остальной Грузии, состоялась акция с требованием ввести в стране новый праздник - День освобождения от Османской империи. Комментарии с турецкой стороны на высоком уровне по подобной тематике встречаются с опасением и возмущением: например, комментарий Р.Т. Эрдогана 14 марта (2017 г.) о том, что физические границы Турции отличаются от границ «в сердце» и что «Ризе (турецкий город) ничем не отличается от Батуми» [12] был воспринят с негодованием, за ним последовало требование к турецкому послу в Тбилиси пояснить, что именно имел в виду турецкий президент.

Следовательно, если на обыденном уровне отношение к Турции всегда было настороженным, то на уровне внешней политики курс смещался, и после протурецкого поворота при М. Саакашвили с 2013 г. наметились тенденции более сдержанного и осторожного восприятия турок как стратегического партнера.

Подводя итог анализу всех компонентов, следует отметить, что «системообразующими» компонентами пространственной идентичности являются грузинский и собственно аджарский, а три остальных компонента - русский, европейский и турецкий - являются «Другими» в пространственном дискурсе, конструируя тем самым представления аджарцев о том, кому они близки раньше и сейчас и кем они быть не хотят.

Геополитические коды гагаузов и аджарцев

Опираясь на концепцию Колина Флинта, исследователи выделили геополитические коды в Аджарии и Гагаузии, представленные ниже в виде таблицы. Из таблицы следует, что Гагаузия и Аджария, несмотря на многие исторические и социальные сходства, обладают абсолютно противоположными кодами в отношении союзников и врагов (единственная точка соприкосновения - это Россия как союзник, но в Аджарии это актуально лишь для взрослой части населения). Такие кардинальные различия объясняются, во-первых, расхождениями в структуре пространственной идентичности, как было выявлено ранее; во-вторых, разным характером центр-периферических отношений в данных государствах: если Кишинев всегда относился к Гагаузии настороженно, шел целенаправленно по пути притеснения автономии Гагауз-Ери и не стремился развивать экономику самого бедного региона Молдавии, то Грузия в период правления М. Саакашвили приложила максимум усилий, чтобы реинтегрировать Аджарию после А. Абашидзе и сделать ее экономически процветающей. Нельзя не упомянуть также о факторе выхода к морю: изолированное положение Гагаузии не позволяло ей ориентироваться во внешний мир и потому она шла по пути «внутреннего Другого», в то время как Аджария с таким крупным портом, как Батуми, всегда была более ориентированной вовне.

Следует уточнить, что геополитический код государства создается и продвигается его элитой, и особое значение имеет способ представления выбранного страной геополитического кода для населения и международного сообщества. Это в том числе вопрос легитимации агрессивных действий государства по отноше-

нию к другой стране в глазах своего народа и международных акторов, и здесь в случае с Аджарией и Гагаузией важным индикатором геополитического кода, не вошедшим в таблицу, является отношение к непризнанным государствам - территориям, отколовшимся от Молдавии и Грузии. Исследователями было выявлено, что и здесь подходы регионов различны: гагаузы понимают и принимают исторический выбор Приднестровья, так как они сами едва не оказались в такой ситуации в 1994 г. Аджарцы же, напротив, разделяют общегрузинскую точку зрения, что Абхазия и Южная Осетия - это «блудные сыновья» Грузии, которые рано или поздно должны вернуться, так как их уход был самой крупной ошибкой новейшей истории Грузии.

Таблица. Сравнение геополитических кодов гагаузов Молдавии и аджарцев Грузии
Table. Comparison of geopolitical codes of Moldovan Gagauzs and Georgian Adjarians

Категории геополитического кода	Гагаузский геополитический код	Аджарский геополитический код
Кто наши нынешние и потенциальные союзники?	1. Россия; 2. Турция.	1. Грузия; 2. Россия (для старшего поколения); 3. ЕС и США (для молодого поколения).
Кто наши нынешние и потенциальные враги?	1. Румыния; 2. Молдавские власти.	1. Турция; 2. Россия (для молодого поколения).
Как сохранить существующих союзников и привлечь потенциальных?	1. В отношении России: а. Поддерживать идею вступления Молдавии в Евразийский экономический союз; б. Отдавать предпочтение на выборах пророссийским кандидатам; с. Расширять экономические связи с Россией. 2. В отношении Турции: а. Расширять культурные связи; б. Расширять миграционные возможности для граждан Гагауз Ери, желающих отправиться в Турцию на работу.	1. В отношении Грузии: не допустить прихода к власти в Аджарии наследников А. Абашидзе (Георгия Абашидзе); 2. В отношении России (для старшего поколения): а) Быть гостеприимными по отношению к приезжающим русским; б) Добиваться в России отмены визового режима с Грузией и налаживания дипломатических отношений; 3. В отношении ЕС (для молодого поколения): а) поддерживать имидж привлекательного для туристов региона демократического государства; б) выступать за вступление Грузии в ЕС.

Как противостоять существующим врагам и предотвратить появление новых?	1. Не поддерживать прорумынские и проевропейские партии на выборах; 2. Оказывать давление на Кишинев с целью упрочения или расширения автономии; 3. Выйти из состава Молдавии в случае объединения ее с Румынией.	1. В отношении Турции: а) Ограничивать миграционные потоки турок в Аджарию; б) Не давать распространять идеи пантюркизма и мысли о возрождении Лазистана; в) Добиться денонсации Карсского договора 1921 г. 2. В отношении России (для молодого поколения): а) Балансировать между Западом и Турцией в плане выбора пути развития; б) Не поддерживать пророссийских кандидатов и партии на выборах.
Как мы можем объяснить эти положения нашему народу и международному сообществу?	1. Использование интерпретации себя как внутреннего «Другого» в составе Молдавии и противопоставление себя кишиневским властям; 2. Использование страха ассимиляции среди молдаван и, возможно, румын; 3. Поддержание мифа о заступничестве России через отсылку к прошлому и упрочения связей с ней в настоящем.	1. Интерпретация себя как грузин, а не как аджарцев, т.е. внутреннего «Другого»; 2. Апелляция к культурной общности аджарцев как грузин и соседствующих государств/групп государств; 3. Использование страха ассимиляции в турецкой среде возродившегося Лазистана; 4. Использование настороженного отношения к России как к потенциальному гегемону.

Заключение

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

- Гагаузия и Аджария как регионы на постсоветском пространстве обладают собственными пространственными идентичностями, которые, несмотря на ряд общих исторических и социальных предпосылок, обладают разной структурой;
- в составе гагаузской идентичности можно найти следующие компоненты, выстроенные по их «удельным весам»: собственно гагаузский, русский и турецкий;
- аджарская пространственная идентичность состоит из грузинского, аджарского, русского, европейского и турецкого компонентов, причем первый абсолютно доминирует, в то время как остальные можно найти селективно у отдельных групп населения;
- различные пространственные идентичности, характер центр-периферических отношений в государстве, а также фактор близости к морю определили абсолютно несхожие географические коды.

В заключение следует добавить, что представленные кейсы доказывают положение о том, что пространственная идентичность является феноменом социально конструированным и не жестко определенным, потому что на нее могут повлиять как масштабные исторические события (гагаузско-молдавский кризис 1994 г. или аджарский кризис 2004 г.), так и внешние акторы (власти в Кишиневе и Тбилиси, а также Турция и Россия).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ОРГАНИЗАЦИИ АДЖАРИИ, В КОТОРЫХ ПРОВОДИЛИСЬ ИНТЕРВЬЮ

1. Туристическо-информационный центр г. Батуми.
2. Аджарский краеведческий музей им. Х. Ахвледиани.
3. Дом-музей М. Абашидзе.
4. Батумский археологический музей.
5. Археолого-архитектурный музей-заповедник «Гонио-Апсарос».
6. Государственный музей искусств Аджарии.
7. Этнографический музей Лазетии в г. Сарпи.
8. Гостиница «Старый город».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ОБЪЯСНЕНИЕ КОДИРОВКИ ИНТЕРВЬЮИРОВАННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ ЛИЧНОСТЕЙ В АДЖАРИИ

1. Глубинное интервью с респондентом А. (*пол - женский, возрастная группа - 55-70 лет, вид деятельности - работник музея). Длительность записи интервью: 20 минут, 24.02.2017.
2. Глубинное интервью с респондентом В. (*пол - женский, возрастная группа - 35-55 лет, вид деятельности - работник музея). Длительность записи интервью: 50 минут, 24.02.2017.
3. Глубинное интервью с респондентом С. (*пол - мужской, возрастная группа - 35-55 лет, вид деятельности - директор музея и историк). Длительность записи интервью: 44 минуты, 24.02.2017.
4. Глубинное интервью с респондентом D. (*пол - женский, возрастная группа - 35-55 лет, вид деятельности - сотрудник православной церкви). Длительность записи интервью: 10 минут, 25.02.2017.
5. Глубинное интервью с респондентом Е. (*пол - мужской, возрастная группа - 35-55 лет, вид деятельности - отельный бизнес и предпринимательство в сфере строительства). Длительность записи интервью: 51 минута, 25.02.2017.
6. Глубинное интервью с респондентом F. (*пол - женский, возрастная группа - 35-55 лет, вид деятельности - историк). Длительность записи интервью: 54 минуты, 26.02.2017.
7. Глубинное интервью с респондентом G. (*пол - мужской, возрастная группа - 55-70 лет, вид деятельности - юрист-международник, преподаватель вуза). Длительность записи интервью: 84 минуты, 13.03.2017.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Brill Olcott M. Kazakhstan: Unfulfilled Promise. - Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. - 322 p.
2. Окунев И.Ю. Геополитические коды постсоветских этнонациональных сообществ на примере гагаузов и болгар в Молдавии // Международные процессы. - 2016. - Т. 14. - № 1. - С. 156-171.
3. Flint C. Introduction to Geopolitics. - London: Routledge, 2006. - 256 p.
4. Тисленко М.И. Гагаузы на распутье: национальная идентичность как детерминант геополитического выбора // Сравнительная политика. - 2015. - Т. 6. - № 4. - С. 70-75. Doi: 10.18611/2221-3279-2015-6-4(21)-70-75

5. Варданян Т. Грузия: идентичность в политических программах и действии // 21-й век. - 2010. - № 3. - С. 48-69.
6. 2014 General Population Census Results. Population by regions and religion. National Statistics Bureau of Georgia. [Электронный ресурс]
http://census.ge/files/results/english/22_Population%20by%20regions%20and%20religion.xls
(дата обращения: 23.03.2017).
7. Буракова Л.А. Почему у Грузии получилось. - М.: Юнайтед Пресс, 2011. - 245 с.
8. Барабаш Б. Дневник полевого исследователя в Аджарии. 25.02.2017. [Электронный ресурс]
URL: https://vk.com/doc-68608383_442977720 (дата обращения: 02.03.2017).
9. Чедия Б. Место Грузии на политической карте Европы: формирование новых геополитических реалий // Центральная Азия и Кавказ. - 2010. - Т. 13. - № 1. - С. 22-32.
10. Саакашвили дал гражданство Грузии уже двум тысячам турок. Росбалт. 25.10.2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2013/10/25/1192477.html> (дата обращения: 23.03.2017).
11. Центр грузинских исследований. Турецкий фактор на выборах в Грузии. Экспертно-аналитическая сеть PolitRUS. 20.09.2012. [Электронный ресурс] URL: <http://www.politrus.com/2012/09/20/georgia-turkiye/> (дата обращения: 15.03.2017).
12. Kuchera J. Georgians Wary of Turkey's Rising Influence in Batumi // EurasiaNet.Org. 09.03.2017. [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/politic/20170314/238869969.html> (дата обращения: 15.03.2017).

REFERENCES

1. Brill Olcott M. Kazakhstan: Unfulfilled Promise. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. 322 p.
2. Okunev I.Ju. Geopoliticheskie kody postsovetских jetnonacional'nyh soobshhestv na primere gagauzov i bolgar v Moldavii. [Geopolitical codes of post-Soviet ethnonational communities: evidences of Moldavian Gagauzs and Bulgarians]. Mezhdunarodnye processy = International Processes. 2016. Vol. 14. No. 1. Pp. 156-171. (in Russ.)
3. Flint C. Introduction to Geopolitics. London: Routledge, 2006. 256 p. Kvale, Steinar. Interviews An Introduction to Qualitative Research Interviewing, Sage Publications, 1996.
4. Tislenko M.I. Gagauzy na rasput'e: nacional'naja identichnost' kak determinant geopoliticheskogo vybora. [Gagauzs at crossroads: national identity as a determinant to geopolitical choice]. Sravnitel'naja politika = Comparative Politics. 2015. Vol. 6. No. 4. Pp. 70-75. Doi: 10.18611/2221-3279-2015-6-4(21)-70-75 (in Russ.)
5. Vardanyan T. Gruzija: identichnost' v politicheskikh programmah i dejstvii. [Georgia: identity in political programs and in action]. 21-j vek = 21st Century. 2010. No. 3. Pp. 48-69. (in Russ.)
6. 2014 General Population Census Results. Population by regions and religion, Available at: http://census.ge/files/results/english/22_Population%20by%20regions%20and%20religion.xls (accessed 23 March 2017).
7. Burakova L.A. Pochemu u Gruzii poluchilos' [Why Georgia succeeded]. Moscow, «Junajted Press», 2011. 245 p.
8. Barabash B. Dnevnik polevogo issledovatelja v Adzharii. [Diary of field research in Adjara]. Available at: https://vk.com/doc-68608383_442977720 (accessed 2 March 2017).
9. Chedija B. Mesto Gruzii na politicheskoi karte Evropy: formirovanie novyh geopoliticheskikh realij. [Position of Georgia on European political map: constructing new geopolitical reality]. Central'naja Azija i Kavkaz = Central Asia and Caucasus. 2010. Vol. 13. No. 1. Pp. 22-32. (in Russ.)
10. Saakashvili dal grazhdanstvo Gruzii uzhe dvum tysjacham turok [Saakashvili has granted citizenship to two thousand Turks already]. Available at: <http://www.rosbalt.ru/world/2013/10/25/1192477.html> (accessed 23 March 2017).
11. Centr gruzinskiх issledovanij. Tureckij faktor na vyborah v Gruzii. [Center of Georgian studies. Turkish factor at Georgian elections]. Available at: <http://www.politrus.com/2012/09/20/georgia-turkiye/> (accessed 15 March 2017).

12. Kuchera J. Georgians Wary of Turkey's Rising Influence in Batumi. Available at: <http://inosmi.ru/politic/20170314/238869969.html> (accessed 15 March 2017).

Информация об авторе:

Окунев Игорь Юрьевич, кандидат политических наук, доцент, кафедра сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия
okunev_igor@yahoo.com

Осколков Петр Викторович, аспирант, кафедра интеграционных процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Тисленко Мария Игоревна, председатель, клуб Terra Cognita, Научное студенческое общество, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Получена: 05.04.2017

Для цитирования: Окунев И.Ю., Осколков П.В., Тисленко М.И., Фактор лимитрофного геополитического позиционирования в трансформации пространственной идентичности (на примере Гагаузии и Аджарии). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 2. Часть 2. с. 173-185.

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-2/2-173-185.

Information about the author:

Igor Yu. Okunev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Comparative Political Science, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
okunev_igor@yahoo.com

Petr V. Oskolkov, Postgraduate Student, Department of Integration Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Maria I. Tislenko, Chairperson, Club "Terra Cognita", Student Scientific Society, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Received: 05.04.2017

For citation: Okunev I.Yu., Oskolkov P.V., Tislenko M.I., Factor of limitrophe geopolitical positioning in transformation of spatial identity (evidence from Gagauzia and Adjara). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.2. Part. 2. Pp. 173-185.

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-2/2-173-185. (in Russian)